

Михаэла Бемиг

Как важно иметь нос

Ковалев, главный герой повести «Нос», который до момента написания письма Подточиной, жене штаб-офицера, остаётся без имени и отчества, следовательно, лишён всяческой индивидуальности, пока выставляет напоказ звания, варьирующиеся от коллежского асессора до майора, которые подчёркивают, что перед нами не столько человек, сколько оболочка – этот Ковалев просыпается утром 25 марта и обнаруживает отсутствие собственного носа. Несчастный Ковалев, охваченный сильным чувством раздражения и досады, сталкивается с тремя мучительными проблемами:

1. Очевидным эстетическим изъяном, который на самом деле был не такой уж редкостью во времена, выдавшие и другие виды увечий по вине наполеоновских войн, и в случае с потерей носа изъян этот был относительно скромным и совершенно поправимым ввиду мастерства зарождающейся ринопластики.

2. Самым коварным и, наверное, самым щекотливым моральным ущербом во времена, когда всё ещё неизлечимый сифилис оставлял свои следы, как писал уже Джон Донн в своей шутливой статье *Why Doth the Poxe [синоним сифилиса] soe Much Affect to Undermine the Nose?* [Donne 1967]. Косвенные намёки, в этом смысле однозначно прочитываемые на фоне продолжительной литературной традиции, обнаруживаются также в речах и монологах самого Ковалева, который отмечает:

Мне ходить без носа, <...> это неприлично. Какой-нибудь торговке, которая продаёт на Воскресенском мосту очищенные апельсины, можно сидеть без носа [III: 55].

Так, например, частный пристав, к которому Ковалев обращается за помощью в поисках носа, заставляет того похолодеть от следующего замечания:

<...> что у порядочного человека не оторвут носа и что много есть на свете всяких майоров, которые не имеют даже и исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам [III: 63].

3. Третья проблема, возникшая перед Ковалевым, касается экзистенциального вопроса, связанного с его самоидентичностью. Это, конечно же, менее выдающаяся проблема, зато более срочная, поскольку человек без носа лишён своего облика и, соответственно, характера: он перестаёт просто-напросто быть человеком. Эта особенность обретает всю свою тяжесть на фоне распространения в то время физиономической доктрины, разработанной швейцарским писателем, мыслителем и богословом Иоганном Каспаром Лафатером, в которой размышления о носе занимают центральное место. В редакции газеты, где Ковалев отказывается называть своё имя, он неоднократно настаивает именно на важности носа для целостности личности:

Вы посудите, в самом деле, как же мне быть без такой заметной части тела? [III: 60].

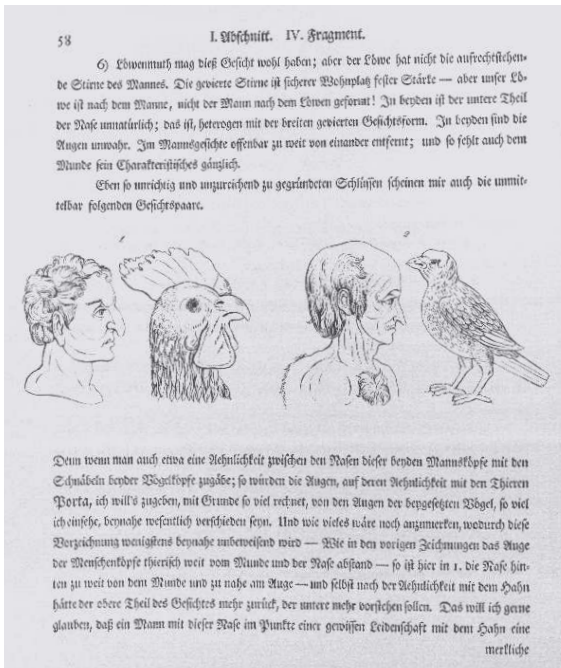
Да ведь я вам не о пуделе делаю объявление, а о собственном моём носе: стало быть, почти то же, что о самом себе [III: 60].

<...> но без носа человек – чёрт знает что: птица не птица, гражданин не гражданин, – просто возьми да и вышвырни за окошко! [III: 63].

А доктору, который отговаривает его от настойчивости в попытках присоединить наконец-то найденный нос, Ковалев безутешно отвечает: «<...> как же мне оставаться без носа?» [III: 68].

В каждой строчке повести Гоголя сквозит неотложность восстановления целостности лица, а в более широком смысле – личности, наряду с необходимостью иметь не просто характерный, но по возможности примечательный нос. Показателен в этом смысле эпизод, когда Ковалев, после возвращения носа с «сатирическим видом» посмотрел на двух военных, «у одного из которых был нос никак не больше жилетной пуговицы» [III: 73].

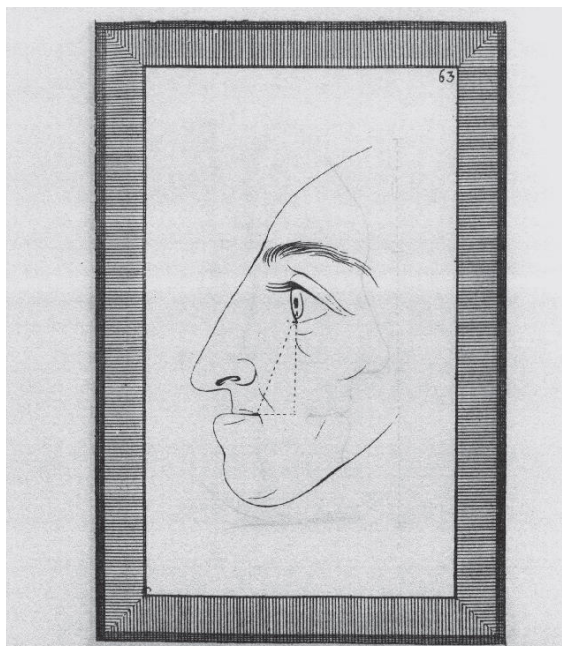
Столь настоятельная потребность возникает из-за популярности того, что в то время считалось своего рода универсальной наукой, т. е. физиономии. «Наука» физиономии связана прежде всего с монументальным трудом Иоганна Каспара Лафатера *Physiognomische Fragmente* («Физиономические фрагменты»), который вышел в 1775–1778 годах громадным 4-томником in folio с почти 350-ю иллюстрациями, рисунками и виньетками, изображающими, в основном, человеческие профили, в которых хорошо заметен нос [Lavater 1775–1778]. Лафатер был убеждён, что по внешним данным, исходя из пропорций лица, можно дать характеристику души или ума. В дополнение к своему основному произведению он пишет,

Илл. 1. J. C. Lavater, Physiognomische Fragmente, Leipzig-Winterthur 1775–1778, т. IV, с. 58.

возможно в 1789 году, краткое тайное руководство под названием *Hundert physiognomische Regeln* («Сто правил физиогномики»), своего рода практическое пособие, исключительно для друзей и последователей, рукопись, передаваемую из рук в руки, пока не вышли печатные издания в 1793 году и посмертные, не всегда авторизированные публикации в 1802 году [Lavater 1802 (a); Lavater 1802 (b); Lavater 1802 (c)]. «Сто правил физиогномики» проиллюстрированы 55 рисунками и 3 таблицами в приложении под названием *Über die Animalitäts-Linien* («О животных линиях»). Здесь автор излагает теорию лицевого угла, согласно которой, у человеческих существ, он должен составлять 60° – 70° и строится

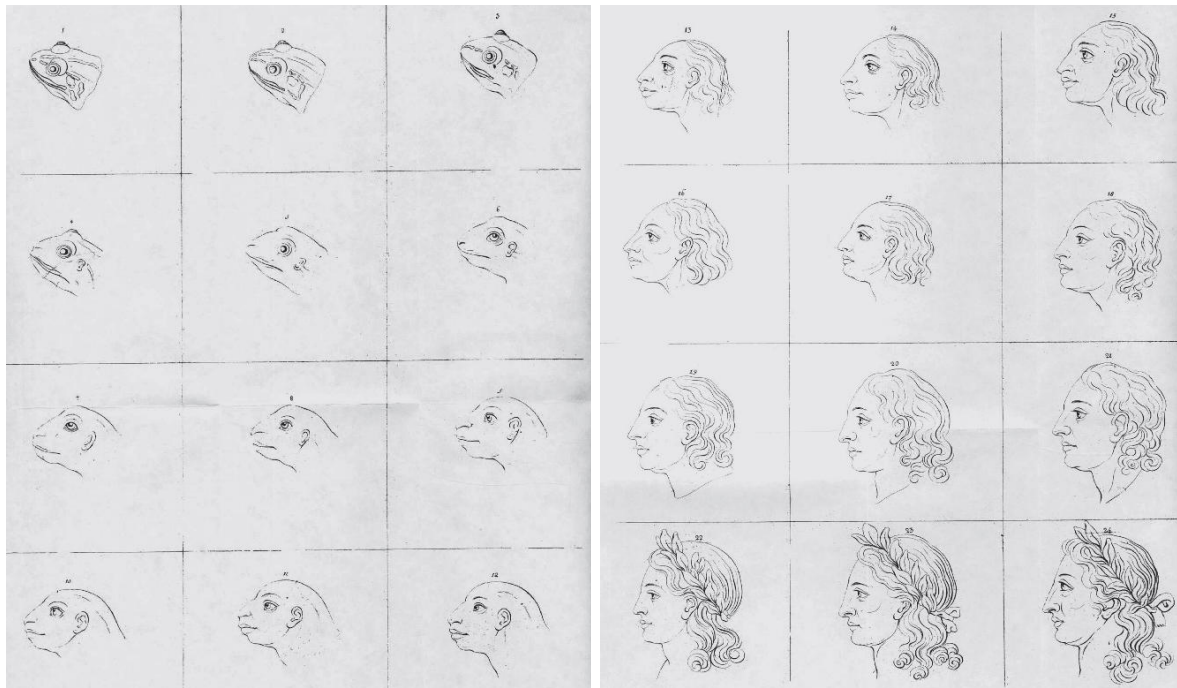
из сторон треугольника, исходящего из точки смыкания верхней и нижней челюсти и расходящегося в направлении ушной раковины и максимальной выпуклости лба или же – и здесь затрагивается нос – от кончика носа к внешнему краю уха и уголку рта.

Илл. 2. J. C. Lavater, Hundert physiognomische Regeln // J. C. Lavater, Nachgelassene Schriften, Zürich 1802, т. V, илл. 63.

В приложении собраны 24 рисунка, распределённые в две таблицы, при помощи которых Лафатер демонстрирует, как, благодаря постепенному увеличению угла к вершине треугольника, должна была происходить эволюция от лягушки, через многочисленные промежуточные животные и низшие человеческие формы, пока не достигла человека и, наконец, Аполлона Бельведерского, сверхчеловечески совершенные черты которого, согласно Лафатеру, находятся за пределами естественной и правдоподобной человеческой красоты.

Не исключено, что Гоголь знал эту странную теорию, как,

Илл. 3. J. C. Lavater, Hundert physiognomische Regeln // J. C. Lavater, Nachgelassene Schriften, Zürich 1802, т. V, Приложение.

возможно, о том свидетельствует описание профиля фигуры в чёрном фраке из наброска «Фонарь умирал», написанного в 1832–1833 годах и непосредственно связанного с подготовкой «Невского проспекта»:

Лицо, в котором нельзя было заметить ни одного угла, но вместе с сим оно не означалось лёгкими, округлёнными чертами. Лоб не опускал[ся] прямо к носу, но был совершенно покат, как ледяная гора для катанья. Нос был продолжение его – велик и туп. Губы, только верхняя выдвинулась далее. Подбородка совсем не было. От носа шла диагональная линия до самой шеи. Это был треугольник, вершина которого находилась в носе: лица, которые более всего выражают глупость» [III: 330].

Мы находим отголоски этих животных черт и в «Носе», в описании бакенбардов Ковалева: «<...> эти бакенбарды идут по самой середине щеки и прямёхонько доходят до носа» [III: 53].

Физиогномика Лафатера получила широкое распространение во всей Европе благодаря многочисленным изданиям, переизданиям, сокращениям, упрощённым вариантам и переводам, среди которых есть две русские версии, или скорее переделки, а также разнообразным книгам, служившим для удовольствия высшего общества. В России процветали труды, которые часто имели мало или ничего общего с оригиналом, ссылались в названии на Лафатера и использовали термин «физиогномика» или «физиогномия», приравнивая его зачастую к хиромантии. В большинстве случаев это были популярные брошюры, ограничивающиеся изложением правил физиономического истолкования, предназначенные для массового читателя и в конечном счёте преследовавшие в основном практические цели – обеспечить

читателей правилами физиономических трактовок. Среди них встречаются: «Новейший, полный и любопытный способ, как узнавать каждого человека свойства, нрав и участь по его сложению или опытный физиогномист и хиромантик славного Лафатера», опубликованный в 1808, 1809 и 1817 годах в Петербурге; «Правила физиогномии и хиромантии или открытое таинство, как узнавать человеческие свойства» – небольшой трактат, приписываемый Лафатеру и Альберту Великому, вышедший в 1817 году в Петербурге; «Лафатер (дамский) или искусство узнавать женщин по физиогномии», опубликованный в 1828 году в Москве – перевод очень популярной книги *Le Lavater des dames, ou l'art de connaître les femmes sur leur physiognomie*, выходившей в пяти переизданиях вплоть до 1815 года в Париже и переведённой в России в 1828 году.

Согласно «теории» Лафатера, характер человека проявляется во внешности, высечен в твёрдых её частях, т. е. в костях, и выражен в мягких частях головы и лица. Здесь и проявляется вся важность носа, который, согласно Лафатеру, меньше всего подвергается изменениям на протяжении жизни.

По этому поводу он пишет в Семнадцатом фрагменте «Физиономических фрагментов» под названием «Физиономические упражнения для изучения физиономического гения»:

Пользуюсь случаем, чтобы предупредить моих читателей о том, что, <...> исходя их многочисленных наблюдений, нос, даже взятый сам по себе, не учитывая остальное лицо, это одна из самых важных частей, решающих, чувствительных и одновременно наименее изменяющихся в человеческом лице» [Lavater 1775–1778: I, 237. Здесь и далее перевод наш. – М. Б.].

Одна из глав «Физиономических фрагментов», под названием *Ein Wort über die Nase* («Слово о носе»), полностью посвящена носу. Лафатер, прежде чем перейти к разным видам носа, вначале говорит о нём следующее:

Безусловно, в эпоху античности нос называли *honestamentum faciei* <украшение лица>.

<...> Я считаю, что нос – это импост мозга. Кто более ли менее знаком с доктриной готического свода, тот поймёт сравнение с импостом. Потому что именно на него опирается тяжесть замкового камня лба, который иначе провалился бы в рот и щёки.

Вы никогда не увидите красивый нос на некрасивом лице. <...> Я нахожу тысячу красивых глаз против одного красивого носа. И там, где я его находил, всегда были изумительные характеры, просто необыкновенные. *Non cuique datum est, habere nasum* <Не каждому дано обладать носом> [Lavater 1775–1778: IV, 257].

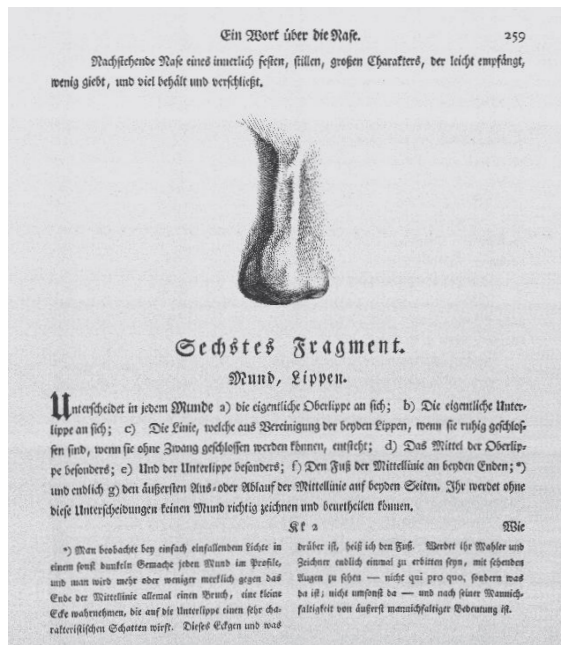
Затем следует длинный перечень параметров идеального носа, проиллюстрированный гравюрой на меди с изображением безупречного носа, отделённого от других частей лица.

Теория центральности носа и прежде всего соответствия внешних черт и душевных качеств вызвала реакцию целого ряда её противников: философов, писателей, учёных. Значимое место среди них занимает учёный и философско-сатирический писатель Георг Кристоф Лихтенберг (1742–1799) – болезненный, горбчатый и низкорослый человек, обладавший при этом незаурядным интеллектом.

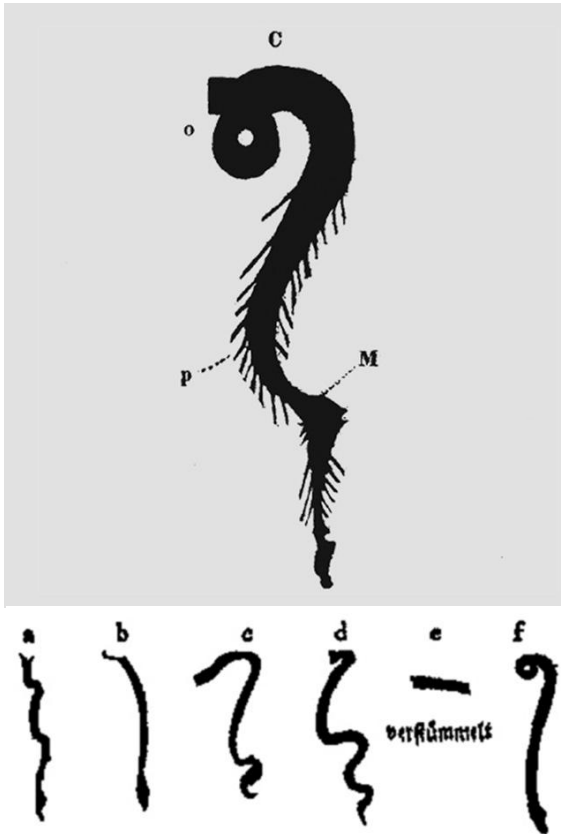
Лихтенберг является автором утончённо язвительного памфлета – «антифизиогномии» под названием *Über Physiognomik; wider die Physiognomen* («О физиогномике; против физиогномистов»), который вышел в двух изданиях в 1778 году и получил широкий отклик. Автор издевается над тезисом Лафатера о соответствии физической и душевной красоты и подчёркивает противоречие между тем фактом, что человек может меняться, становиться лучше или хуже на протяжении жизни, даже спустя много времени после того, как твёрдые части – в том числе и нос – уже давно и окончательно сформировались и уже не меняются. Таким образом, он призывает осознать всю самонадеянность и беспомощность физионома, который «прыгает и спотыкается от одинаковых носов к одинаковым духовным склонностям их обладателей» [Lichtenberg 1967–1992: III, 276]; а затем добавляет: «Господин Лафатер считает нос самой важной частью, потому что над ним не властно притворство» [Lichtenberg 1967–1992: III, 287]. Наконец Лихтенберг задаётся вопросом об апории между неизбежными изменениями, произошедшими по физическим, духовным или моральным причинам, так, что нос, в сущности мало подверженный изменениям, не успевает следовать за ними.

Ещё более язвительной оказалась сатира Лихтенберга под названием *Fragment von Schwänzen. Ein Beytrag zu den Physiognomischen Fragmenten* («Фрагмент о хвостах. Вклад в Физиогномические фрагменты»), написанная в 1777 году и вышедшая анонимно в 1783 году. В этом памфлете, который получил невероятную популярность, Лихтенберг предлагает примеры свиных и собачьих хвостов, а также хвостов своих студентов, подвергая их подробным описаниям, копирующим метод Лафатера и приписывая каждому определённый характер, чьим выражением он должен якобы являться. (Эти хвосты изображены под заголовком «Некоторые очертания неизвестных свиней, в основном неактивных».)

В решение противоречия между изменяющимся характером и носом, который, согласно Лафатеру, остаётся неизменяемым, вмешался

Илл. 4. J. C. Lavater, *Physiognomische Fragmente*, Leipzig-Winterthur, 1775–1778, т. IV, с. 259.

Илл. 5 и 6. G. Ch. Lichtenberg, Fragment von Schwänzen // G. Ch. Lichtenberg, Schriften und Briefe, München 1967–1992, т. III, с. 533 и 536.

и такой писатель как Жан Поль (1763–1825), весьма популярный в России в первой трети XIX века. Многие его рассказы фокусируются на носе, среди них такие как *Brief eines Naturforschers über die Wiedererzeugung der Glieder bei dem Menschen* («Письмо одного естествоиспытателя о восстановлении человеческих частей тела») и *Physiognomisches Postskriptum über die Nasen der Menschen* («Физиогномический постскриптум о человеческих носах»), включённые в *Auswahl aus des Teufels Papieren* («Избранные отрывки из записок дьявола», 1789).

В первом рассказе, где повествование ведётся от первого лица, учёный с целью поэкспериментировать могут ли снова отрасли некоторые части человеческого тела, среди которых нос, просит отрезать именно его, чтобы посмотреть как вновь появится новый из воска. В «Физиогномическом постскриптуме», следующем сразу же за предыдущим рассказом, один поэт повествует о том, как его «прозаический нос», не поспевая за исключительным телесным и духовным развитием поэта, прощается с ним и сбегает с лица, заменённый другим, «посмертным» из воска. Вспомним в связи с этим, что Ковалев, в бесплодных попытках приставить нос, доставленный ему полицейским чиновником, согревает его дыханием, как будто тот сделан из воска, и мог бы стать более податливым.

Теперь нам остаётся лишь определить, если и каким образом Гоголь вписывается в этот сатирический ряд, и если да, то как он интерпретирует тему потери носа, развившуюся в литературе на рубеже XVIII и XIX веков (возможно даже вернуться к таким писателям, как Рабле или Стерн, не менее значимым, что касается интерпретаций носологического мотива, и достаточно хорошо знакомым Гоголю). Вероятнее всего, исходный материал был передан Гоголю Василием Жуковским, который неоднократно посещал немецкого писателя [Жуковский в воспоминаниях современников, 1999: 344–346], был знаком с его произведениями и в 1820-е годы был увлечён в основном его «Подготовительной школой эстетики» [Янушкевич, 1978–1988: II, 181–188]. Ещё одним толчком к детальному изучению жизни и творчества Жана Поля послужила для Жуковского биография *Jean Paul*

Friedrich Richter's Leben nebst Charakteristik seiner Werke («Жизнь Жана Поля Фридриха Рихтера и особенности его произведений») [Döring 1826] – книга, которая хранилась в его библиотеке [Лобанов, 1981: № 933]. Из архивных материалов нам также известно, что в начале 1831 года, почти сразу же после знакомства с Гоголем, и несколькими месяцами ранее того лета, которое он провёл в обществе Пушкина и Гоголя в Царском Селе, Жуковский снова занялся повествовательным творчеством немецкого писателя, брал домой из библиотеки Эрмитажа, основанной под его руководством по указу царя Николая I, дешёвое переиздание 1825 года антологии *Jean Pauls Geist; Oder Chrestomathie der vorzüglichsten, kräftigsten und gelungensten Stellen aus seinen sämmtlichen Schriften* («Дух Жана Поля, или Хрестоматия самых замечательных, сильных и удавшихся отрывков из всех его произведений») [Jean Pauls Geist, 1801–1816]¹. В 1844 году И. Е. Бецкий, пылкий почитатель Гоголя, издаёт «Антологию из Жан-Поля Рихтера» [Бецкий, 1844].

Поймав столь забавную тему, как потеря носа, Гоголь даёт ей, однако, свою оригинальную интерпретацию, избавив её от какого-либо явного намёка на Лафатера и на физиогномику, а также смягчив язвительную сатиру в пользу фантастического. Этот поворот по отношению к устоявшейся тематической линии ещё более значим ввиду того, что исходя из выше цитированных примеров о чертах лица и воображаемом треугольнике с вершиной, расположенной на кончике носа, Гоголь, безусловно, обладал хотя бы элементарными познаниями в области физиогномики. Тем не менее в тексте «Носа» ссылка на Лафатера и его доктрину весьма умело закамуфлирована, поскольку слово «физиономия» ни разу не появляется в тексте, в отличие от других произведений Гоголя (например, «Ревизора» или «Мёртвых душ»).

В «Ревизоре», в распечатанном почтмейстером письме Хлестакова, последний даёт следующий автопортрет:

<...> как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора» [IV: 89].

Подобное описание мы находим и в «Мёртвых душах»:

Хотя почтмейстер был очень речист, но и тот, взявши в руки карты, тот же выразил на лице своём мыслящую физиономию <...> [VI: 16].

В том же истолковательном ключе может быть рассмотрено наблюдение, созвучное Лафатеру, о характере «значительного лица» в «Шинели», характере, заключение о котором сделано исходя из внешности:

<...> взглянувши на один мужественный вид его и фигуру, всякий говорил: «У, какой характер!» [III: 172].

По отношению к глубинной проблеме, то есть вопросу о достоверности теорий Лафатера, которая находилась в центре немецкой сатирической литературы, посвящённой физиогномике, «Нос» остаётся в стороне.

¹ Ср. запись в регистрационной книге выдачи Эрмитажной библиотеки от 26 января / 7 февраля 1831 из Архива Государственного Эрмитажа (Ф. 2. Оп. XIV/ж. Ед. хр. 21).

Однако это не мешает Гоголю по сути разделять теоретические измышления Лафатера, описывая некоего Ковалева, который без своего носа сталкивается с серьёзными проблемами самоидентификации и лишь после восстановления «физиономии» вновь обретает свою дерзость и возвращается к прежней жизни.

Литература

- Бецкий И. Е.* Антология из Жан-Поля Рихтера. СПб., 1844.
- В. А. Жуковский* в воспоминаниях современников. М., 1999.
- Лобанов В. В.* Библиотека В. А. Жуковского. Описание. Томск, 1981.
- Янушкевич А. С.* Немецкая эстетика в библиотеке В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске: В 3 т. Томск, 1978–1988. Т. II. С. 140–203.
- Donne J.* Why Doth the Poxe soe Much Affect to Undermine the Nose? // *J. Donne, Poetry and Prose*, New York 1967, p. 305–306.
- Döring H.* Jean Paul Friedrich Richter's Leben nebst Charakteristik seiner Werke, Gotha 1826.
- Poelitz K. H. L.* Jean Pauls Geist; Oder Chrestomathie der vorzüglichsten, kräftigsten und gelungensten Stellen aus seinen sämtlichen Schriften, Bd. I–IV, Weimar-Leipzig 1801–1816 (дешёвое переиздание: Erfurt 1825).
- Lavater J. C.* Pysiognomische Fragmente, zur Beförderung der Menschenkenntnis und Menschenliebe, Bd. I–IV, Leipzig-Winterthur 1775–1778 [репринт: Zürich 1968–1969].
- (a) *Lavater J. C.* Nachgelassene Schriften, Bd. V, Zürich 1802 [репринт: Hildesheim-Zürich-New York 1993].
- (b) *Lavater J. C.* Physiognomischer Nachlass, Zürich 1802.
- (c) *Lavater J. C.* Vermischte physiognomische Regeln, ein Manuskript für Freunde, Leipzig 1802; Wien 1802.
- Lichtenberg G. Ch.* Schriften und Briefe, Bd. I–IV, München 1967–1992 [репринт: Frankfurt am Main 1994].